

Содержание

Предисловие.....	7
Глава 1	
Эволюция, раса и история.....	12
Глава 2	
Научные отклонения.....	34
Глава 3	
Истоки социальности человека.....	64
Глава 4	
Человеческий эксперимент.....	100
Глава 5	
Генетика расы.....	138
Глава 6	
Общества и институты.....	175
Глава 7	
Человеческая перестройка.....	211
Глава 8	
Адаптация евреев.....	275
Глава 9	
Восхождение Запада.....	297
Глава 10	
Расы и эволюция.....	328
Благодарности.....	346
Примечания.....	348
Алфавитный указатель.....	365

Предисловие

Книга должна говорить сама за себя. Но, поскольку первое же издание «Трудного наследства» привлекло неожиданное внимание, для читателей, любопытствующих, по какому поводу этот шум, может быть полезным, если я вновь изложу цели книги и отвечу на часть критики в ее адрес.

Написать книгу меня сподвиг тот объем информации о недавней эволюции человека, который появился в ходе исследований генома. Складывается все более подробная картина дифференциации популяции современного человека после того, как она рассредоточилась за пределы своей африканской прародины почти 50 000 лет назад. Это была бы чисто научная история, если бы расы как конечный результат такой дифференциации не стали предметом стольких политических разногласий.

История развивается в рамках человеческой эволюции. А эти два предмета изучают всегда отдельно, как будто человеческая эволюция прекратилась задолго до начала истории. Но эволюция не прерывается. Не существует доказательств, что подобная приостановка когда-либо происходила. Последние геномные исследования

свидетельствуют, что эволюция человека и история взаимосвязаны — может быть, не слишком тесно, но достаточно, чтобы признать как минимум некоторую роль генетики в формировании облика современного мира.

Цель «Трудного наследства» — исследовать эту новую территорию и заодно показать, как можно описывать эволюционные различия между человеческими популяциями без малейшего проявления расизма или представления о превосходстве одних рас над другими. Различия между популяциями, несомненно, имеют место, но они весьма невелики. Между расами нет четкого разграничения, их отличает параметр, который генетики называют относительной частотой аллелей. Такие расхождения существуют, поскольку человеческие популяции, распространившись когда-то по земному шару, жили в основном обособленно друг от друга и, таким образом, имели разные эволюционные пути.

Такая точка зрения может показаться вполне обычной и не вызывать возражений, но она болезненно задевает множество догм академической науки. Многие люди, в том числе социологи, ученые с левыми политическими взглядами, давно сделали для себя выбор, который мне кажется неудачным: они протестуют против расизма, не руководствуясь нравственными принципами, но утверждая, что раса — это социальный конструкт, а не биологическая реальность. В итоге они, из политических соображений, яростно препятствуют любым обсуждениям и исследованиям биологической основы рас. Их идеалы достойны уважения, но выбранная тактика — в значительно меньшей мере.

Называя тех, кто изучает биологическую основу рас, «научными расистами» и, таким образом, по сути,

демонизируя их, левое крыло академического сообщества сумело почти полностью остановить рассмотрение вопроса о дифференциации человечества. Большинство исследователей предпочитают избегать этой темы, чтобы не запятнать свою репутацию и не поставить под угрозу карьеру и финансирование.

Критики моей книги в основном проигнорировали ее ключевые аргументы, зато попытались дискредитировать ее косвенно. Одна тактика заключается в намеках, будто книга расистская, пусть даже для этого приходится приписывать ей утверждения, которых в ней нет. На самом деле книга является попыткой рассмотреть, каким образом можно изучать разнообразие популяций человека с однозначно нерасистской точки зрения. При стремительно растущем объеме данных геномных исследований этой задачей все равно придется заняться, рано или поздно. Насколько эту тему раскрывает книга, пусть судит читатель.

Вторая тактика — бездоказательно утверждать, что в книге огромное количество ошибок и недостоверных сведений. В подобных нападках, в том числе в письме, подписанном многими учеными-генетиками, нет конкретных цитат, содержащих какие-либо ошибки; ожидается, что читателю достаточно голословных утверждений оппонентов. Такая критика основана на политических мотивах и, на мой взгляд, несостоятельна. По моим сведениям, в книге нет серьезных ошибок и она точна, насколько это возможно для обзора быстро развивающейся области науки.

В настоящем издании я исправил ошибку в цитате, никак, впрочем, не влиявшую на связанное с ней утверждение, заменил устаревшие данные новыми и дал более подробную аргументацию в нескольких местах. Я не нашел

причин вносить изменения в аргументацию первой половины книги: о том, что раса имеет биологическую основу, заключающуюся в тонких различиях относительной частоты аллелей. Не имея под собой никаких расистских оснований, этот научный факт лишь подчеркивает генетическое единство человечества.

Вторая половина книги, как объясняется в первой главе, посвящена теоретическим размышлениям. Там поднимается вопрос, подвергалось ли социальное поведение человека — и, следовательно, природа человеческих обществ — эволюционным изменениям в недавнем прошлом. По этому вопросу не так уж много данных, отчасти потому, что он никогда не изучался систематически. На мой взгляд, гипотеза, что естественный отбор не мог не влиять на общественное поведение высокосоциального вида, по меньшей мере небезосновательна. Если человеческие общества продолжали эволюционировать последние несколько тысяч лет, то такой процесс заметно проявил бы многие аспекты истории и современности. В частности, это бы объяснило, почему институты, которые под мощным пластом культуры опираются на социальное поведение человека, как правило, в разных обществах проявляются в долгосрочном плане по-разному.

Предположение, что в разнообразии человеческих обществ внес определенный вклад эволюционный компонент, не кажется слишком неправдоподобным. Фактически это намного вероятнее, чем обратное: что эволюция не играла никакой роли в формировании современных обществ. Но в социальных науках десятилетиями господствовала догма: все различия между человеческими обществами исключительно культурные, а любые попытки

оспорить эту точку зрения вызывают беспокойство и протесты.

Те, кто пишут о науке, не должны ничего утаивать, когда объясняют читателям результаты и выводы новых исследований. В случае генома человека очевидно, что мы открываем архив совершенно новых данных об истории человечества. Как ни удивительно, многие данные указывают на изменения в самом ближайшем по эволюционным меркам прошлом. Вопрос в том, насколько недавно эти изменения произошли, чтобы попадать в рамки определенного исторического периода. Если это так, то человеческий геном охватывает область пересечения эволюции и истории. «Трудное наследство» — первая книга, где рассматривается именно эта невероятно интересная тема. При нынешнем зачаточном состоянии знаний в данной области некоторые выводы и предположения книги в дальнейшем могут быть пересмотрены. Тем не менее я полагаю, что «Трудное наследство» ставит правильные вопросы и разъясняет, как надо на них отвечать, — а это в конечном итоге приведет к абсолютно новому пониманию человеческой природы, общества и истории.

ГЛАВА 1

ЭВОЛЮЦИЯ, РАСА И ИСТОРИЯ

После расшифровки человеческого генома в 2003 г. на человеческую эволюцию пролился новый яркий свет, а вместе с тем встало множество интересных, но неудобных вопросов.

Сейчас не подлежит сомнению, что человеческая эволюция — это длительный непрерывный процесс, происходивший весьма активно на протяжении последних 30 000 лет и почти наверняка — хотя недавнюю эволюцию оценивать нелегко — в историческое время, вплоть до наших дней. Чрезвычайно интересно узнать, как люди эволюционировали в недалеком прошлом, по тем следам, которые оставляет естественный отбор на генетическом материале. Любые признаки развития социального поведения, происходившего в исторические времена, могли бы объяснить важные особенности современного мира.

Но изучение и обсуждение этих вопросов осложняются фактом существования рас. С тех пор как первые современные люди расселились по миру из своей прародины

в Восточной Африке около 50 000 лет назад, на каждом континенте популяции эволюционировали в основном независимо друг от друга, поскольку каждая приспособлялась к своей собственной природной среде. Под давлением различных местных условий сложились основные расы человечества — африканская, восточноазиатская и европейская, а также множество меньших групп*. Ввиду такого разделения каждому, кто интересуется недавней эволюцией человечества, практически неизбежно приходится изучать расы, хочет он этого или нет. И здесь научный поиск входит в противоречие с политическими интересами общества, стремящегося не порождать сравнений, разжигающих расизм. Некоторые интеллектуальные барьеры, воздвигнутые много лет назад для противодействия расизму, сегодня мешают изучению ближайшего эволюционного прошлого. В числе ограничений такие представления, как: эволюция человека остановилась несколько тысяч лет назад; у рас нет никакой биологической основы; все поведенческие различия между человеческими группами обусловлены исключительно культурой, а не генетикой; сознание человека при рождении — «чистый лист», и его дальнейшее формирование происходит только за счет культуры.

Эти представления можно обоснованно назвать догмами: нет доказательств, что какие-либо из них верны, однако в них истово верят или по крайней мере отстаивают большинство академических «левых», в том числе

* В российской антропологии им в значительной мере соответствуют негроидная, монголоидная и европеоидная расы, хотя имеются расхождения. Единой классификации рас не существует. Поэтому в книге так называемые «большие расы» фигурируют в авторской версии. Следует также иметь в виду, что в англоязычной литературе для европеоидов часто применяется термин «кавказоиды». — *Прим. ред.*

многие биологи. Эти догмы, как и другие, были созданы, чтобы побудить людей к верному решению: перестать считать неотъемлемые различия между человеческими группами основанием и оправданием расизма. Проблема в том, что открытия в области генома человека делают такие имманентно присущие различия все более вероятными. Ученые, часто отстаивающие свое право на поиск истины, куда бы ни он завел, здесь обнаруживают истину, которую не желают узнавать — и не могут, даже если бы захотели, без серьезного риска для научной карьеры.

В этой книге утверждается следующее: геномные данные можно изучать, не создавая предпосылок для расизма. Хотя расизм не умер полностью, значительно больше людей, чем прежде, считают его неверным в принципе. Если расизм принципиально ошибочен, то любые неотъемлемые различия между человеческими группами в этом смысле несущественны и могут смело изучаться.

Кроме того, существуют суровые ограничения на то, насколько значительными могут быть эти различия. Каждый человек способен выучить язык другой группы, если поместить его в языковую среду с раннего возраста. Это доказывает, что способность к языку — характерная черта человеческого разума — универсальна. Природа человека в основном одинакова во всем мире. Общества людей могут значительно отличаться друг от друга, но составляющие их индивидуумы — нет.

Новый взгляд на эволюцию человека

Новые исследования человеческого генома установили, что эволюция человека происходила недавно, была

обширной и носила региональный характер. Биологи, сканирующие геном в поисках свидетельств естественного отбора, обнаружили многочисленные признаки генов, которым в недавнем прошлом отбор благоприятствовал. По оценкам одного анализа, как минимум 8% человеческого генома изменилось под влиянием недавней эволюции [1]. Большая часть сигналов естественного отбора датируется в рамках периода 30 000–5000 лет назад, что всего лишь миг в масштабах 3-миллиарднолетней эволюции.

Естественный отбор продолжал формировать человеческий геном — несомненно, вплоть до настоящего времени, — хотя сигналы эволюции за последние несколько сотен или тысяч лет выявить труднее, если только давление отбора не было чрезвычайно сильным. Тем не менее изучение древней ДНК, извлеченной из образцов на территории современной Украины, дало совсем недавний пример естественного отбора: исследователи обнаружили, что генные варианты, способствующие светлой коже, голубым глазам и более светлым волосам, подвергались отбору на протяжении последних 5000 лет [2].

Сейчас стали известны случаи естественного отбора, сформировавшего признаки у людей в течение нескольких последних столетий. Например, по данным исследователей, которым удалось изучить необычайно полные записи о браках, рождениях и смертях в приходских метрических книгах, под давлением отбора возраст первых родов для женщин, рожденных между 1799 и 1940 гг. на Л'Иль-о-Кудр — острове на реке Святого Лаврентия неподалеку от Квебека, снизился с 26 до 22 лет [3].

Исследователи доказывают, что другие возможные воздействия, такие как улучшение питания, из списка

причин можно исключить, и отмечают, что тенденция рожать в более раннем возрасте передавалась по наследству, что свидетельствует о наличии генетических изменений. «Наша работа подтверждает, что люди продолжают эволюционировать, — пишет эта группа ученых. — Также она демонстрирует, что микроэволюцию возможно выявить у долгоживущих видов даже на уровне нескольких поколений».

Еще один источник данных, подтверждающих совсем недавнюю эволюцию человека, — многопоколенные исследования, проводимые в медицинских целях, такие как Фрамингемское исследование сердца. Воспользовавшись статистическими методами, разработанными эволюционными биологами для выявления воздействия естественного отбора, врачи не так давно обнаружили конкретные изменения в организме, произошедшие в результате эволюции в больших группах пациентов. В число исследованных признаков вошли: возраст первых родов, снижающийся в современных обществах, и возраст наступления менопаузы, который растет. Сами по себе эти признаки не имеют особого значения и учитывались лишь потому, что соответствующие данные были собраны врачами, разрабатывавшими схему исследования. Но такая статистика предполагает, что эти черты наследуются, а если так, то они являются свидетельством эволюции в современных популяциях. «Эти данные явно указывают на то, что мы эволюционируем и что наша природа динамична, а не статична», — делает вывод Стивен Стернс, биолог из Йельского университета, подводя итог 14 недавним научным работам по оценке эволюционных изменений в современных популяциях [4].

Эволюция человека имела место не только в недавнем прошлом и на обширной территории — она также носила региональный характер, то есть происходила обособленно в каждом крупном регионе. Период от 30 000 до 5000 лет назад, для которого можно зафиксировать признаки недавнего естественного отбора, наступил после того, как человечество разделилось на три основные расы, и потому соответствует отбору, шедшему по большей части независимо в каждой расе. Три основные расы — это африканцы (живущие южнее Сахары), восточные азиаты (китайцы, японцы и корейцы) и европеоиды (европейцы и народы Ближнего Востока и Индийского субконтинента). В каждой из этих рас естественным отбором был изменен разный набор генов, как описывается далее в главе 5. Именно этого и следует ожидать от популяций, которым приходилось адаптироваться к различным для каждого континента условиям среды. Гены, особенно сильно затронутые отбором, обуславливают не только такие предсказуемые признаки, как цвет кожи и пищеварительный метаболизм, но также и некоторые аспекты функционирования мозга, хотя еще непонятно, каким именно образом.

Анализ геномов популяций по всему миру подтверждает, что расы действительно являются биологической реальностью — вопреки официальным заявлениям ведущих общественно-научных организаций. Подробнее эта тема излагается в главе 5, а иллюстрацией к ней служит тот факт, что для популяций смешанных рас, таких как афроамериканцы, генетики теперь могут, изучая геном индивидуума, отнести каждый сегмент к африканскому или европейскому предку — такая задача была бы невыполнима, если бы у рас не было реальной биологической основы.

То, что человеческая эволюция происходила недавно, была обширной и региональной, не признается широко, хотя уже подтверждается множеством статей по генетике. Причина отчасти заключается в новизне этих данных, а отчасти в том, что они поднимают вопросы, неудобные из-за глубоко укоренившихся общепринятых представлений.

Догмы общественных наук и эволюция

Специалисты по общественным наукам уже давно привыкли считать, что эволюция человека застопорилась в далеком прошлом, возможно когда люди научились строить крышу над головой и защищаться от враждебных сил природы. Эволюционные психологи учат, что человеческий разум приспособлен к условиям, преобладавшим в конце последнего оледенения — около 10 000 лет назад. Историки, экономисты, антропологи и социологи полагают, что в историческое время во врожденном поведении человека не произошло никаких изменений.

Такие представления о послеледниковой остановке эволюции, по крайней мере для человека, разделяют основные ассоциации специалистов по общественным наукам, утверждающие, что рас не существует, во всяком случае в биологическом смысле. «Раса — недавнее человеческое изобретение, — заявляет Американская ассоциация антропологов. — Раса связана с культурой, а не с биологией» [5]. Не так давно опубликованная ассоциацией книга гласит: «Раса не существует в том смысле, как мы ее представляем, — как нечто глубинное, древнее и биологическое. Это скорее мировоззренческая идея

с разрушительными последствиями, поскольку мы, посредством нашей истории и культуры, сделали ее такой» [6].

Продиктованный здравым смыслом вывод, что раса является и биологической реальностью, и идеей, чреватой политическими, порою пагубными последствиями, прошел также мимо Американской ассоциации социологов. Эта группа заявляет, что «раса — социальный конструкт», и предупреждает об «опасности поддержки популярной концепции о расе как о биологическом явлении» [7].

Официальное мнение общественных наук о расе призвано поддерживать политическую позицию, что генетика никак не может быть причиной различий между человеческими обществами. Ответ следует искать исключительно в области культурных различий и особенностей сформировавшей их окружающей среды. Социальный антрополог Франц Боас разработал доктрину, согласно которой человеческое поведение формируется только культурой, и ни одна культура не выше другой. Из этого следует, что все люди, взятые в отдельности от их культуры, по сути, взаимозаменяемы и что более сложные общества обязаны своим бóльшим могуществом или процветанием только счастливым случаям, например географии.

Открытия последних лет, подтверждающие современный обширный и региональный характер эволюции, серьезно подорвали официальное мнение, сложившееся в общественных науках. Теперь ученые утверждают, что генетика могла играть некоторую, возможно значительную, роль наряду с культурой в формировании различий между человеческими популяциями. Почему же тогда многие исследователи по-прежнему держатся за идею,

будто культура — это единственно возможные объяснение различий между человеческими обществами?

Одна из причин — это, разумеется, вполне понятный страх, что изучение расовых различий станет опорой для расизма; этот вопрос рассматривается ниже. Другая — свойственная академическому миру инерция. Университетские исследователи действуют не независимо, но в рамках сообществ ученых, которые постоянно проверяют и подтверждают работу друг друга. Особенно это характерно для наук, где заявки на гранты получают одобрение экспертной комиссии, а публикации подвергаются придирчивому рассмотрению редакторами и рецензентами. Преимущество такого процесса в том, что публичные заявления ученых обычно намного значительнее, чем их собственное мнение, — это сертифицированное знание экспертного сообщества.

Но такая система имеет недостаток: она эпизодически «сползает» в крайний консерватизм. Исследователи привязываются к концепциям своей научной области, на которых они росли. С возрастом они приобретают влияние и препятствуют переменам. На протяжении полувека после высказывания гипотезы о том, что материки дрейфуют по поверхности Земли, ведущие геофизики категорически отвергали эту идею. «Наука продвигается вперед с каждым похороном», — заметил однажды экономист Пол Самуэльсон*.

Другой недостаток проявляется, когда университеты допускают, что целые научные области приобретают левую или правую политическую окраску. Оба варианта одинаково вредны для истины, но в настоящее время

* Обычно выражение приписывается Макс Планку. — *Прим. ред.*

большинство университетских факультетов и кафедр сильно склоняются влево. Любой исследователь, который хотя бы попыбует вынести на обсуждение вопросы, политически неприемлемые для левых, рискует вызвать противодействие коллег-профессионалов, которые должны одобрять его заявки на госфинансирование и рецензировать статьи для публикаций. Чаше всего ученые прибегают к самоцензуре, особенно в областях, хоть как-то связанных с современной дифференцирующей эволюцией человеческих популяций. Требуется совсем немного «бдительных борцов с расизмом», чтобы запугать весь университетский городок. В итоге в настоящее время исследователи привычно игнорируют биологию расы или ходят вокруг этой темы на цыпочках, чтобы академические соперники не обвинили их в расизме и не разрушили им карьеру. В своих публикациях ученые упоминают о расах кратко, предоставляя читателю самому заполнять пробелы.

Сопротивление идее о современной, обширной и региональной эволюции человека вряд ли исчезнет, если только не удастся убедить ученых, что исследование ближайшего эволюционного прошлого не приведет к возрождению расизма. Действительно, такое возрождение кажется весьма маловероятным по нижеследующим причинам.

Геномика и расовые различия

Во-первых, противодействие расизму сейчас прочно укоренилось, по крайней мере в западном мире. Уже трудно себе представить обстоятельства, при которых

можно было бы перебороть или ослабить это осуждение, а уж тем более помогать расизму научными доводами. Расизм и дискриминация несостоятельны по принципиальным соображениям, а не с научной точки зрения. Наука занимается тем, что есть, а не тем, что должно быть. Моральные ценности с трудом удерживаются на зыбучих песках науки, и глупо их туда помещать.

Представители академического сообщества, защищенные на интеллекте, опасаются открытия какого-нибудь гена, который покажет, что одна основная раса умнее других. Но маловероятно, чтобы такое случилось скоро. Хотя у интеллекта есть генетическая основа, никаких вариантов генов, усиливающих интеллект, пока не обнаружено. Причина почти наверняка в том, что таких генов огромное множество, и каждый из них оказывает слишком небольшой эффект, чтобы выявить его существующими методами [8]. Если исследователям суждено когда-нибудь найти ген, который увеличивает интеллект, допустим, у восточных азиатов, они вряд ли на этом основании смогут утверждать, что восточные азиаты умнее других рас, поскольку сотни подобных генов еще останутся неоткрытыми у европейцев и африканцев.

Даже если бы для каждой расы были идентифицированы все варианты генов, усиливающие интеллект, никто не станет оценивать умственные способности на основании генетической информации: намного проще применить тест на интеллект. Но тесты на IQ уже существуют, чего бы они ни стоили.

Даже если бы было доказано, что одна раса генетически более интеллектуальна, чем другая, к каким последствиям бы это привело? На самом деле почти ни к каким.

По тестам у восточных азиатов в среднем около 105 баллов — чуть больше, чем у европейцев, у которых средний показатель 100. Более высокий IQ не дает восточным азиатам нравственного превосходства над другими. У восточноазиатских обществ много достоинств, но совсем не обязательно, что они удовлетворяют потребности своих членов успешнее, чем европейские.

Идею, будто какая-либо раса имеет право доминирования или превосходства над другими в каком-то абсолютном смысле, можно решительно отвергнуть из принципиальных соображений, но так как она основана на нравственном принципе, ее нельзя опровергнуть научно. Тем не менее, поскольку расы различаются, наука, несомненно, обнаружит относительные преимущества одних перед другими в каких-либо качествах. Вследствие особых вариантов генов тибетцы и жители высокогорных Анд лучше других справляются с условиями жизни на высоте. На каждых Олимпийских играх начиная с 1980 г. у всех финалистов в мужском забеге на 100 м есть западноафриканские предки [9]. Не станет сюрпризом, если найдутся генетические факторы для таких атлетических достижений.

Изучение генетики рас неизбежно обнаружит различия, и некоторые из них продемонстрируют тем, кому интересно, что одна раса по какому-то признаку имеет совсем небольшие преимущества. Но также подобные исследования установят более глубокую и важную истину: все различия между расами являются вариациями на одну и ту же тему.

Открытие, что генетика играет некоторую роль в различиях между крупнейшими человеческими группами, не означает, будто эта роль доминирующая. Гены

не определяют человеческое поведение, они лишь дают предрасположенность действовать определенным образом. Генами объясняется многое, возможно даже больше, чем в настоящее время известно или принято считать. Но их влияние, как правило, нивелируется сформированным поведением или культурой. Сказать, что гены полностью определяют человеческое социальное поведение, было бы так же абсурдно, как и считать, что от них ничего не зависит.

Социологи полагают, что все объясняют культурные традиции, а не раса и все культуры обладают одинаковой ценностью. Та истина, которая открывается нам в настоящее время, более сложна и многогранна. Человеческая природа во всем мире весьма сходна. Но если люди похожи друг на друга большинством черт, то их общества сильно разнятся — по структуре, институтам и своим достижениям. На протяжении большей части истории человечества цивилизация Китая превосходила все остальные. В противоположность убеждению мультикультуралистов, западная культура достигла значительно больше других во многих важных сферах и сделала это потому, что европейцы — вероятно, по причинам и эволюционным, и историческим — смогли создать открытые прогрессивные общества, резко отличающиеся от характерных для человечества отношений племенного строя и автократии. Люди подобны друг другу — никто не имеет права или оснований утверждать свое превосходство над другим человеком или другой расой. Но одни общества достигли большего, чем другие, возможно, за счет незначительных отличий в социальном поведении. Вопрос, который будет рассматриваться ниже: повлияла ли эволюция на эти различия?

Социальное поведение и история

Цель следующих страниц — развеять ореол мистики вокруг генетической основы рас и задать вопрос: «Что недавняя эволюция человека говорит об истории и природе человеческих обществ?» Если исследователи сумеют преодолеть страх перед расизмом и признают, что человеческая эволюция не остановилась в прошлом, является обширной и имеет региональный характер, то откроются новые возможности для изучения важнейших вопросов истории и экономики.

Именно социальное поведение имеет значение для понимания поворотных — и не объяснимых иным образом — событий в истории и экономике. Хотя эмоциональные и интеллектуальные различия между народами мира на индивидуальном уровне малозаметны, тем не менее даже небольшое изменение социального поведения может породить совершенно иной тип общества. Например, племенные сообщества складываются на основе родства и отличаются от современных государств прежде всего тем, что доверие человека не простирается далеко за пределы семьи и племени. Однако в этом небольшом различии коренится огромная разница в политических и экономических структурах между племенными и современными обществами. Вариации в другом генетически обусловленном поведении, готовность наказывать тех, кто нарушает общественные правила, могут объяснить, почему одни сообщества проявляют больший конформизм, чем другие.

Общественное устройство — та точка, где эволюция человека пересекается с историей. В структуре сообществ трех основных человеческих рас за последние

15 000 лет произошли обширные изменения. Именно в этот период люди впервые начали переходить от кочевой жизни в группах охотников и собирателей к оседлости и созданию более крупных сообществ. Столь колоссальная перемена требовала иерархической организации общества вместо эгалитарной, а также способности ладить со множеством посторонних людей, а не только с близкими родственниками. Поскольку этот переход происходил долго — современные люди появились в археологической летописи 200 000 лет назад, но, чтобы начать жить оседло постоянными сообществами, им потребовалось 185 000 лет, — велико искушение предположить, что для этого были необходимы значительные генетические изменения в социальном поведении и это для них потребовалось столько времени. Более того, данный эволюционный процесс шел независимо в популяциях Европы, Восточной Азии, Америки и Африки.

Переход от собирательского кочевья к оседлости вряд ли был единственным эволюционным сдвигом в социальном поведении человека. Вероятно, с начала земледелия, около 10 000 лет назад, большинство людей жили впроголодь. После каждого нового подъема производительности труда рождалось больше детей, дополнительные рты подъедали излишки, и в течение жизни одного поколения все возвращались к полуголодному существованию, немногим лучшему, чем прежде.

Эта ситуация была подробно описана преподобным Томасом Мальтусом в его теории народонаселения, рост которого, по его мнению, мог быть сдержан несчастьями или нравственными ограничениями. Именно у Мальтуса Дарвин почерпнул идею естественного отбора. В условиях описанной Мальтусом жестокой борьбы за существование,

понял Дарвин, благоприятные изменения сохранялись, а неблагоприятные исчезали, что приводило в итоге к образованию новых видов.

Поскольку человеческая популяция дала возможность Мальтусу сделать свои выводы, которые привели Дарвина к концепции естественного отбора, есть основания полагать, что люди в аграрных обществах также подвергались интенсивному естественному отбору. Но какие признаки передавались на протяжении длительного аграрного периода? Данные, приведенные в главе 7, убедительно свидетельствуют, что менялись социальные качества человека. До великого демографического сдвига, последовавшего за промышленными революциями, у состоятельных людей выживало больше детей, чем у бедных. Поскольку многие дети из богатых семей понижались в статусе, они распространяли внутри популяции гены, поддерживающие поведение, полезное для накопления материальных благ. Такой «храповик богатства» запускает общий механизм, в результате действия которого специфические поведенческие модели, необходимые для экономического успеха, становятся распространенными в обществе и поколение за поколением меняют его характер и уклад. В настоящее время этот механизм подтвержден документально только в отношении популяции, для которой сохранились уникальные записи, — это Англия с 1200 по 1800 г. Но, учитывая склонность людей вкладываться в успех собственных детей, такой механизм вполне мог действовать во всех обществах, где наблюдалось имущественное расслоение.

Созданные историками концепции и интерпретации описывают разные изменения: политические, военные, экономические и социальные. Единственный фактор,

который считается неизменным, — это человеческая натура. Однако же если социальная природа человека, а значит, и характер человеческих сообществ менялись в недавнем прошлом, то появляется новая переменная, помогающая объяснять главные поворотные точки в истории. К примеру, Промышленная революция ознаменовала фундаментальный сдвиг в производительности труда — на это потребовалось почти 15 000 лет, прошедших после появления первых оседлых поселений. Возможно ли также, что для этого были необходимы эволюционные перемены в социальном поведении человека, столь же значительные, как и те, что сопровождали переход от охотничье-собирательской культуры к оседлости?

Есть и другие важные поворотные точки в истории, для которых ученые предлагали множество возможных факторов, но не дали никаких убедительных объяснений. Китай создал первое современное государство и благоденствовал, будучи самой прогрессивной цивилизацией, примерно до 1800 г. н.э., после чего произошел неожиданный спад, озадачивающий ученых. Исламский мир в 1500-х гг. н.э. превосходил Запад во многих отношениях, достигнув пика своего развития при осаде Вены в 1529 г. войсками османского султана Сулеймана Великолепного. Затем, после почти тысячи лет непрерывающихся завоеваний, исламский мир перешел к долгому и болезненному отступлению, по поводу причин которого ученые также не могут прийти к согласию.

Противоположностью упадку Китая и исламского мира стал неожиданный подъем Запада. Европа, имея в 1000-х гг. н.э. феодальные и наполовину родо-племенные отношения, уже к 1500 г. превратилась в активного открывателя и собирателя знаний и земель. Опираясь

на этот фундамент, западные нации захватили лидерство в географической экспансии, военном деле, а также науке и технике.

Экономисты и историки называли много факторов, способствовавших пробуждению Европы. Один из них, который редко учитывается, — это возможные эволюционные изменения, то есть населению Европы в процессе адаптации к специфическим местным условиям удалось создать особый тип общества, с большой склонностью к инновациям и экспансии.

Экономическое неравенство

Также недостает объяснений для многих важных особенностей современного мира. Почему одни страны богаты, а другие постоянно бедны? Капитал и информация движутся вполне свободно. Что же мешает бедным странам взять заем, скопировать для себя скандинавские институты и стать такими же богатыми и спокойными, как Дания? Африка за последние полвека поглотила миллиарды долларов экономической и гуманитарной помощи, однако же, вплоть до недавнего всплеска роста, уровень жизни населения там не менялся десятилетиями. С другой стороны, Южная Корея и Тайвань, почти такие же бедные в тот же период, переживают экономический подъем. Почему эти страны смогли пережить такую быструю модернизацию, а для других это оказалось намного труднее?

Экономисты и историки связывают существенное неравенство между странами с такими факторами, как ресурсы, или географическое положение,

или культурные различия. Но многие страны, не имеющие значительных ресурсов, вроде Японии или Сингапура, очень богаты, а более одаренные природой, типа Нигерии, продолжают бедствовать. Исландия, покрытая в основном ледниками и бесплодными пустошами, казалось бы, менее удачно расположена, чем Гаити, но исландцы вполне обеспечены, а гаитян преследуют бедность и коррупция. Что верно, то верно: многие подобные различия убедительно и полно объясняются культурой. В естественном эксперименте, осуществленном двумя Кореями, народ в обеих странах один и тот же, и, несомненно, именно плохие социальные институты удерживают северокорейцев в бедности, а должным образом функционирующие в Южной Корее позволяют стране процветать.

Однако в ситуациях, когда культурные и политические институты могут легко перетекать через границы, долго сохраняющееся неравенство объяснить сложнее. Быстрый и постоянный процесс эволюции подсказывает новую возможность: что человеческие сообщества со временем менялись в соответствии с возникающими изменениями в социальном поведении людей. Если это так, то в основе каждой цивилизации лежит особый поддерживающий ее комплекс форм социального поведения и эти формы поведения отражаются в институтах общества. Институты — это не просто наборы произвольных правил. Скорее, они вырастают из инстинктивного социального поведения, такого как склонность доверять другим, следовать правилам и наказывать тех, кто их нарушает, заниматься сотрудничеством и торговлей или выступать с оружием в руках против соседних групп. Поскольку такие формы поведения несколько отличаются в разных

обществах в силу эволюционного влияния, то и институты, зависящие от них, тоже могут различаться.

Это объясняет, почему так трудно переносить институты из одного общества в другое. Американские институты невозможно успешно внедрить, например, в Ираке, поскольку у иракцев распространены другие формы социального поведения, основанные, в частности, на родоплеменном мировоззрении и вполне обоснованном недоверии к центральному правительству; и так же невозможно было бы перенести иракскую трайбалистскую политику в Соединенные Штаты.

С появлением быстрых и доступных методов расшифровки последовательности ДНК в человеческом геноме впервые становится возможным исследовать генетические вариации, лежащие в основе человеческих рас. Эволюционные пути, породившие различия между расами, представляют огромный интерес для ученых, и многие из таких путей описаны на страницах этой книги. Но более глубокое значение исследований вариаций ДНК в мире заключается не в различиях, а в сходстве. Нигде сущностное единство человечества не запечатлено так явно и неизгладимо, как в геноме.

Поскольку материал, представленный в книге, может во многом показаться новым или незнакомым широкой публике, будет полезно сориентировать читателей в отношении надежности доказательной базы. Главы 4 и 5, где рассматривается генетика расы, вероятно, подтверждены наиболее основательно. Хотя они приводят читателя на передовую современных исследований, а данные с переднего края науки всегда менее достоверны, чем информация в учебниках, однако представленные здесь

выводы сделаны ведущими экспертами на основании обширного корпуса исследований и, по всей вероятности, вряд ли будут пересмотрены сколько-нибудь серьезным образом. Читатели могут считать факты, приведенные в этих главах, достоверными, а их интерпретации — обоснованными.

Рассмотрение в главе 3 истоков человеческого социального поведения также основывается на фундаментальных исследованиях, в данном случае — преимущественно на работах по поведению человека и животных. Но генетические основы социального поведения человека в настоящее время по большей части неизвестны. Таким образом, здесь открывается простор для полемики по поводу того, какие именно формы социального поведения генетически обоснованы и в какой степени такие формы поведения определяются генетикой. Кроме того, вся область исследований социального поведения человека является молодой и к тому же развивается в тени парадигмы, все еще сохраняющей влияние среди специалистов по общественным наукам: что все человеческое поведение обусловлено исключительно культурой.

Читателям следует хорошо понимать, что в главах 6–10 они покидают территорию естественных наук и вступают в куда более умозрительную и спорную область на стыке истории, экономики и эволюции человека. Поскольку существование рас долго игнорировалось или отрицалось многими исследователями, не хватает фактической информации о том, как раса воздействует на человеческое общество. Заключение, представленным в этих главах, сильно недостает доказательств. Возможно, они выглядят правдоподобными (а возможно, нет), но многие из них остаются умозрительными гипотезами. Разумеется,

в гипотезах нет ничего дурного, если их основания ясно изложены. И построение гипотез — единственный способ начать исследовать неизведанную территорию, поскольку оно заставляет искать факты, которые их подтвердят или опровергнут.

Пожалуй, читателю также стоит помнить, что эта книга — попытка познать мир таким, какой он есть, а не таким, каким ему следует быть.

ГЛАВА 2

НАУЧНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ

Империалисты, апеллирующие к дарвинизму, чтобы оправдать порабощение более слабых рас, могли указывать на «Происхождение видов», чей подзаголовок гласит: «Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь»*. Дарвин говорил о голубях, но империалисты не видели причин, почему его теории нельзя применить к людям... [1].

РИЧАРД ХОФШТАДТЕР

Идеи о расовых различиях, многие из которых были разработаны биологами, использовались для оправдания рабства, стерилизации людей, признанных неполноценными, а в гитлеровской Германии — для проведения кампаний по уничтожению ни в чем не повинных и беззащитных элементов общества, таких как цыгане, гомосексуалисты и умственно отсталые дети. Самым ужасающим во всем этом был чудовищный сплав евгенических

* В некоторых русских изданиях перевод подзаголовка звучит как «...или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». — *Прим. ред.*

идей с концепциями расовой чистоты, который привел национал-социалистов к убийству 6 млн евреев на подконтрольных им территориях.

Трудно представить себе более серьезное предостережение для любого, кто захочет разобраться в природе рас, поэтому первым делом следует осмыслить заблуждения, которые привели людей и правительства на эти порочные пути.

Расизм на удивление молодая концепция: впервые она появилась в «Оксфордском словаре английского языка» только в 1910 г. До этого существовало множество этнических предрассудков, которые живы до сих пор. Древние греки называли *варваром* всякого, кто не говорил по-гречески. Китай долго в отношении себя применял словосочетание *Срединное государство*, считая варварами всех, кто жил за его пределами. Бушмены пустыни Калахари, говорящие на шелкающих языках, делят мир на жу!цоан, или «настоящих людей», как они сами, и !ком — категорию, включающую других африканцев, европейцев и несъедобных животных, например хищников. Европейцы, придумывая друг другу уничижительные прозвища, связывают национальность с едой. Так, французы называют англичан «ростбифами» (*les rosbifs*), а англичане зовут французов «лягушатниками» (*frogs*) из-за лягушачьих лапок, французского деликатеса, а немцев — «капустниками» (*krauts*, от *sauerkraut* — квашеная капуста).

Центральным постулатом расизма, отличающим его от этнических предрассудков, является идея расовой иерархии, в которой одни расы стоят выше других. Высшая раса, как считается, обладает правом господствовать над остальными из-за изначально присущих ей качеств.